
С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.65

СТУДЕНЧЕСТВО ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СМЫСЛОВЫЕ ИНВАРИАНТЫ ДУХОВНЫХ ПРАКТИК

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾, Ж. М. ГРИЩЕНКО¹⁾, Т. В. ЩЕЛКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В центре исследования – современное студенчество поколения Z, рождение и начальные этапы социализации которого совпали с тотальной anomией в постсоветском обществе. Представлены результаты качественного изучения методами тестирования и глубинного интервью современной студенческой аудитории. Объективизированные тенденции позволяют формулировать проблему межпоколенческого раскола и отчуждения большей части студенчества поколения цифровых технологий от традиционной нормативной ценностной модели. Параллельно обсуждаются методико-процедурные проблемы современной социологии и усиления ее чувствительности и разрешающей способности в замере смыслов, которые современная молодежь вкладывает в свою интерпретацию базовых ценностей.

Ключевые слова: означаемое-означающее (смыслы); культурный код; импринтинговый эффект; культурный социогеном; отчуждение; раскол традиций; ментальные трассы; смысловая верификация.

Образец цитирования:

Данилов А. Н., Грищенко Ж. М., Щелкова Т. В. Студенчество цифровых технологий: смысловые инварианты духовных практик // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 125–134.

For citation:

Danilov A. N., Grishchenko Z. M., Scholkova T. V. Students of the digital technologies: semantic invariants of the spiritual practices. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 125–134 (in Russ.).

Авторы:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Жанна Михайловна Грищенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Татьяна Викторовна Щелкова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

a.danilov@tut.by

Zhanna M. Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

zhanna0607@mail.ru

Tatiana V. Scholkova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

tanar2002@tut.by

STUDENTS OF THE DIGITAL TECHNOLOGIES : SEMANTIC INVARIANTS OF THE SPIRITUAL PRACTICES

A. N. DANILOV^a, Z. M. GRISHCHENKO^a, T. V. SCHOLKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: Z. M. Grishchenko (zhanna0607@mail.ru)

In center of research attention the modern students Z generation, birth and early stages of socialization of that, coincided with total anomie in postsviet society. The results of quality research are presented by the methods of testing and deep interview o modern student audience. Objectified tendencies allow to formulate the dissidence and alienation of solid part of student of generation of digital technologies from the traditional normative valued model. In parallel the methodical procedural problems of modern sociology and strengthening of her sensitiveness in measuring of senses, that modern youth put in the interpretation of base values.

Key words: signified-signifying (meaning); cultural code; imprinting effect; cultural sociogen; allination; split traditions; mental tracks; semantic verification.

Оговоримся сразу в главном! Представленные здесь результаты нашего исследовательского поиска носят промежуточный характер. Тем не менее считаем целесообразным их оперативное включение в научный контекст для привлечения внимания профессиональной аудитории к проблеме состояния «культурного кода нации», реальные риски утраты которого (под влиянием внешних и внутренних факторов) возросли слишком ощутимо, чтобы оставаться незамеченными. Справедливости ради следует признать опережающий (в сравнении с научной риторикой) характер озабоченности сложившейся ситуацией со стороны наших политических лидеров. Так, в речи на церемонии вручения премий «За духовное возрождение» 9 января 2013 г. Александр Лукашенко выразил особую озабоченность необходимостью сохранения духовного кода нации как стержневой основы ее интеграции. Чуть раньше, в выступлении 25 сентября 2012 г. на Совете по культуре и искусству, Владимир Путин с сожалением отметил, что затянувшаяся дискуссия вокруг проблемы сохранения национального кода культуры все более акцентируется на нашем традиционном вопросе «Кто виноват?», в то время когда объективная необходимость настоятельно требует ответа на вопрос «Что делать?».

Несмотря на обилие научной литературы по динамике ценностных ориентаций современной генерации и даже на констатацию факта разрыва межпоколенческих духовных традиций, очень четко проступает явная сдержанность отечественных обществоведов в адекватной реалиям оценке ситуации. Можем ли мы сегодня формулировать проблему острее и глубже? Располагаем ли эмпирической базой данных, достаточной для выводов об очевидном расколе (разрыв создает иллюзию возможности его залатать!) межпоколенческих духовных традиций и перекодировке культуры на-

ции? Даже с учетом противоречивых тенденций социализации молодежи в современных условиях и ее интегрированности в культурную практику посредством закономерного инновационного обновления последней остается открытым вопрос: «Насколько гомогенны эти сложившиеся практики между прошлым и настоящим?» И можем ли мы сегодня с уверенностью утверждать, что весь этот проблемный и противоречивый процесс включения молодежи в исторически сложившийся культурный контекст способен сохранить баланс преемственного равновесия? И что может служить гарантом неизменности определенной совокупности устойчивых характеристик духовной культуры, призванных сохранять ее индивидуальное своеобразие? А параллельно – сохранять и саму нацию?! Ведь истина на удивление проста: нет своей культуры – нет и нации! И насколько правомерно наше оптимистическое упоение фактом, запечатленным в известном мнении о том, что лучшие наши традиции передаются на генном уровне исторической памяти?

Мы попытались в ходе только что завершеного второго этапа (тестирования) исследовательских работ измерить этот «социогенный эффект» исторической преемственности лучших образцов отечественной духовной культуры представителями поколения цифровых технологий. Для примера взяли известный девиз, начертанный на гербе знаменитого белорусского (так называемая Станьковская ветвь) рода графа Чапского, «Жизнь – Отчизне, честь – никому!». Какой лаконичный и вместе с тем емкий по своей смысловой палитре лозунг! Наполненный в высшей степени патриотическим духом, где личное (честь) слилось с гражданской ответственностью за судьбу Родины, и одновременно позиционирующий это личное (достоинство) как ценность, ничуть не меньшую (если не большую), чем

ценность самой жизни, поставивший знак тождества между ощущениями собственного достоинства и ответственностью за судьбу Отечества! Заметим, что включенное в тест суждение «**Жизнь – Родине, честь – никому!**» не сопровождалось никакими комментариями, установками, аналогиями и уточнениями. Просто стояло в ряду с другими суждениями теста под 17-м порядковым номером из 30 позиций, предложенных для оценки.

Сказать, что полученные результаты нас ошеломили, будет неправдой. Мы предполагали итоговую картину, по крайней мере, что она не сложится в пользу достойного девиза не менее достойных предков. И все же результат впечатлил своей выраженной негативной доминантой: 86 % представителей студенческого поколения Z отвергли содержание слогана (как говорят сегодня), при этом 33 % мотивировали свое несогласие с ним, не поняв даже его смысла («**О чем это?**»), а остальные 53 %, признав понимание сути, все же отреклись от нее в категорической форме («категорически не согласен»). И лишь 1 % респондентов безоговорочно приняли девиз, солидаризируясь с отраженным в нем смыслом. Есть еще 13 %, в принципе согласившихся с привлекательностью девиза, начертанного на гербе графа Чапского, но не так, чтобы безоговорочно.

А ведь не прошло и 100 лет с того момента, как потомки рода графа Чапского навсегда покинули белорусские земли (1920). Срок для исторической памяти в общем то даже незначительный. Практически правнуки оказались искренне **отчужденными** от нравственно-духовных эталонов своих предков, считая их для себя неприемлемыми и даже непонятными. Можно, конечно, классифицировать данный факт как межпоколенческий «разрыв» или «отрыв», или даже «отклонение». Но соизмерив пропорции обозначенных отклонений, «за» – 14 % и «против» – 86 %, все же, справедливости ради, вынуждены признать безвозвратный раскол (пропасть!) духовных традиций между прошлым и настоящим. И историческая память с ее **культурным социогеномом** нас здесь не спасла! Тем более что в приведенном примере в рамках обозначенного временного интервала в 100 лет произошли две социальные революции (социалистическая 1917 г. и перестроечная 1990-х гг.), каждая из которых разворачивалась под сокрушительными лозунгами разрушения до оснований старого мира! Так что очевидная неприглядность духовно-нравственных идеалов современного студента в сравнении с их предками может оцениваться как недостаток вполне извинительного толка, обусловленный закономерным исходом революционных «триумфов» нашей более чем драматичной отечественной истории.

Все эти вопросы так или иначе, но выводят нас на **предметный** разговор о состоянии культурного

кода нации. Задача, однако, не из легких уже потому, что культурный код наделен атрибутами «культурного бессознательного», о чем достаточно ясно пишет, например, американский психоаналитик К. Рапай: «Культурный код — это культурное бессознательное. Он определяет набор образов, которые связаны с каким-либо понятием в нашем сознании. Это не то, что мы говорим или четко осознаем, а то, что скрыто даже от нашего собственного понимания, но проявляется в наших поступках» [1, с. 31]. И даже с учетом смягчения психоаналитического подхода К. Рапая и его вполне обоснованного дополнения правомочностью включения в феномен «культурного кода» вполне осознанных смыслов [2, с. 40] вопрос об ограниченности **разрешающей** способности социологического инструментария в улавливании и эмпирической верификации именно смыслов (означающего) остается открытым. **Нечувствительность** наших многочисленных анкетных опросов к разрешению дилеммы «означаемого» и «означающего» ставит ощутимый барьер на пути продвижения вперед в оценке реальных «смыслов», стоящих за полученными результатами (данными) – например о ценностных предпочтениях студенческой молодежи.

Оригинальность объекта настоящего исследования связана с ее исследовательской фокусировкой на постсоветском поколении студенческой молодежи – тех, кто родился на рубеже веков (конец 1990-х гг.), кто сидит сегодня в вузовской аудитории и чья первичная и вторичная социализации проходили в трагических условиях **тотальной аномии** в обществе. Анализ обозначенного поколенческого архетипа, интегрированного на основе локализации его представителей в рамках единого (общего) исторического временного контекста, в случае отечественных аналогий привлеч к себе внимание своим откровенным, визуально наблюдаемым, отчуждением от той традиционной нормативно-ценностной модели, по параметрам которой мы до сих пор определяем внутренний мир молодежи. При этом наше эмпирически выверенное и теоретически обоснованное упорство в выводах о приверженности современной молодежи базовым ценностям предшествующей эпохи выглядит, по правде говоря, странным. Особенно, на фоне того драматического социального контекста, который обернулся для взрослого поколения **культурной травмой**.

Достаточно лишь бегло перечислить все пройденные и пережитые массовым сознанием катаклизмы современной отечественной истории, чтобы понять серьезность проблемы: крушение великой Державы, ее «незыблемой» идеологии с коллективистскими традициями, последовавший за этим системный характер кризисных явлений в обществе, затем искреннее упоение демократической риторикой с ее декларированием всяческих сво-

бод, плюрализма мнений, гласности, далее – прогрессирующая индивидуализация сознания, а потом его национализация, глобализация, компьютеризация и виртуализация. Наконец, чуть позже, – крушение авторитета либеральной модели, ценностей мультикультурализма, глобализма, возрождение нового витка холодной войны и начало очередного этапа переоценки истории.

Надо заметить вместе с тем, что ничего этого поколение Z не переживало. Это была не их травма! И, со всей очевидностью, не их проблемное поле! Оно, это молодое поколение цифровых технологий, начало с чистого листа, «что-то слышало» время от времени, «кое-что видело» эпизодически и даже то, что «постигало» на уроках истории, было далеким и неинтересным прошлым, в котором не повезло жить предкам, особенно с позиции потребительских соблазнов сегодняшнего дня: без компьютеров и планшетов, смартфонов и гаджетов, интернета и фейсбука. «Надеюсь, ты своему ребенку такого детства не желаешь?» – искренне апеллирует к своему отцу молодой представитель поколения Z, глядя на нас с телевизионного экрана. И травмированный «шоковой терапией» отец вряд ли вспомнит славные страницы истории из собственного детства: Юрия Гагарина, например, и весь триумфальный для современной отечественной истории и науки путь покорения космоса. Или Валерия Харламова с его героической стойкостью, прославившей на века отечественный спорт. Можно и к достижениям кинематографа обратиться, посмотрев вместе с сыном, к примеру, «Мимино» – фильм, который сегодня воспринимается как памятник дружбы народов, о которой в погоне за национальными интересами мы просто забыли! Ничего этого отец, скорее всего, не вспомнит! Получив от сына конкретную программу действий по удовлетворению потребительских запросов своего чада, отец безропотно поплетется их выполнять.

Если вдуматься в суть более широкого – социального – эффекта отечественной рекламы, которой перенасыщено современное телевидение, то невольно почувствуешь облегчение от факта крайней ее непопулярности для поколения Z. А если к этому добавить бесхитростные в своем исполнении, но переполненные примерами откровенной пошлости и безнравственности сюжеты передач А. Малахова с их вечными семейными разборками, от изнасилований до дележки имущества, то и сам побежишь выключать телевизор! Не исключено поэтому, что уход в виртуальный мир нашей отечественной молодежи был оправдан не столько интересом к технологическим инновациям (они росли вместе с ними, для них это не диво, а совершенно естественная закономерность повседневности), сколько отчуждением от неприглядности современного взрослого мира, аномическая системность которого не предложила никаких более

или менее выраженных своим интересом и духовностью ориентиров и смысловых акцентуализаций. А что предложил виртуальный мир, с которым они просыпались и засыпали, можно догадаться по последствиям сформированного эффекта, где традиционные, базовые ценности духовности давно отодвинуты на периферию сознательного и бессознательного.

Приведем наглядный пример исходя из результатов, только что полученных по итогам реализации второго этапа исследовательских работ. Факт ценности семьи для молодежи, причем с точки зрения ее вполне осмысленного признания, зафиксирован практически во всех ценностно-ориентированных социологических исследованиях. С формальной точки зрения данная истина подтвердилась и в наших результатах. Суждение **«Крепкая семья – главный источник счастья»** получило согласие 70 % протестированной группы студентов против 30 % отвергших правомерность данного утверждения. Следовательно, можно предположить, что позиция 2/3 студенческой аудитории вполне соизмерима с признанием ценности семьи. Однако факт сопряженности этих результатов с количественными эквивалентами, полученными по ряду других, но гомогенных семейным ценностям смыслов, позволяет усомниться в справедливости данного вывода. В частности, тестовое суждение **«Признаю лишь официальный брак с печатью в паспорте»** получает согласие лишь у 40 %, а **«Главный смысл брака – рождение и воспитание детей»** и того меньше – только у 34 %. Очевидно, что современные паттерны поведения молодежи, связанные с популярностью «гражданского брака», исключающего груз взаимной ответственности (моральной и материальной), а также нежеланием обременять себя детьми, задают совершенно **иную модель** брачных отношений. Ну уж никак не вписывающуюся в традиционную ценностно-нормативную трактовку.

Если углубиться в этот смысловой ряд суждений далее, то можно легко обозначить сценарный вектор дальнейшего развития событий в его более радикальном (с точки зрения отрицания традиционных подходов) варианте. Так, результаты тестирования выявили, что 22 % респондентов ориентированы на брак, построенный исключительно на расчете – **«Верю в брак, построенный на расчете»**, а 24 % (практически четверть!) не планируют иметь детей (**«Дети – это слишком обременительно, лучше этого избежать»**), что вполне созвучно риторике сторонников движения «Child Free». И даже воодушевляющая вера в любовь как смылосозидающее жизненное кредо для 70 % опрошенных (**«Без любви жизнь теряет всякий смысл»**) омрачается согласием 56 % с известным лингвистическим трендом, навязчиво транслируемым телевизионной рекламой: **«Не получилось**

с Машей, получится с Дашей!». Таким образом понимаемая и принимаемая любовь в рамках полного равнодушия к объекту своих личностных ситуативных предпочтений (сегодня с одной, завтра с другой) вполне гармонична популярности среди студентов другого смыслового тренда – «**Живи весело! Живи играючи!**», получившего 73 % поддержки.

Все эти, как и многие другие, смыслы нашей реальности сегодня не имеют ничего общего с той нормативной и традиционной для истоков православной духовной культуры трактовкой института семьи ни в прямом, ни в косвенном значении. И тем не менее мы до сих пор с упорством настаиваем на том, что семья была и остается приоритетной ценностью для нашей современной молодежи [3]. Последнее наводит на размышления о причинах такого затянувшегося самообмана. Не лежит ли за всем этим принципиальная неспособность выхода наших обществоведов за рамки **категорического императива**, формулирующего универсальную ценность института семьи? У социологии есть свои, хорошо всем известные ресурсы, позволяющие утверждать ее вновь и вновь. Например, поставив ценность семьи на первое порядковое место в номинальной шкале анкетного опроса об актуальных для молодежи ценностях, ограничив их набор традиционной моделью. Впрочем, это другой сюжет, связанный с проблемой реактивности социологического инструментария, к которому мы еще вернемся чуть позже. Здесь же важным является вопрос о том, можно ли эмпирически верифицированные смыслы современных брачных отношений (и не только) классифицировать как **импринтиговый эффект**¹, программирующий не только ближайшее будущее, но и реальное настоящее?

А почему нет, если мы уже в актуальном фиксируем адекватные ему устойчивые ожидания и паттерны поведения, характерные для большей половины студентов, прошедших процедуру тестирования? Можно, конечно, сослаться на чрезмерную **эмоциональную** составляющую отдельных трендовых слоганов, да еще так назойливо мелькающих на телевизионном экране. Но разве не под воздействием эмоций как раз и прокладываются те (по удачному выражению С. А. Шавеля) «**ментальные трассы**», которые и запечатлевают в сознании соответствующий опыт поведения [2, с. 40]? Аналогичный вывод делает и Р. Докинз, рассуждающий о психологической привлекательности как причине выживаемости «мима» – единицы передачи культурного наследия². Истоки этой утраченной при-

влекательности традиционных семейно-брачных отношений надо искать в окружающей среде, тотальная анонимность которой, пролонгированная во времени более чем на двадцатилетие, **эксплуатируется** постсоветской генерацией Z в собственных интересах и на **собственное благо**! И здесь сложно не согласиться с выводами того же Р. Докинза о том, что «отбор благоприятствует «мимам, которые эксплуатируют среду на собственное благо» [4, с. 448].

А среда эта связана с миром взрослых, при полном попустительстве и равнодушии которых и произошло **начало конца истории традиционного института семьи**! Параллельно – ее трансформация в совершенно иное качество, реплицируемое мимами-мутантами. Надо признать, наконец, что все тяготы нашей перестройки обрушились в первую очередь на самый первичный социальный институт – семью. Именно семья теряла все свои традиционные ориентиры и привычные нормы существования, поставленная в обстоятельства спонтанной адаптации к перевернутому вверх дном миру. И не справилась с серьезностью возлагаемой на нее функции компенсирующего характера в обстоятельствах коренной реконструкции общества и сопутствующей ей фатальной обреченности ее (общества) духовно-нравственной сферы. Для поколения Z их родители пребывали в режиме спонтанного самовывживания, добывания средств к существованию и просто физически не могли уделять детям должного внимания. Те же из них, кому повезло больше и удалось перейти в разряд состоятельных, достойно обеспечить свои семьи, компенсировали недостаток повседневного внимания к своим детям финансовыми излишествами, добровольно передавая подрастающих чад на попечение няней, домоуправительниц, гувернанток.

Эта дифференциация внутри студенчества поколения Z по критерию материального благополучия их семей нарушила привычную гомогенность целого поколения, став причиной отчужденности не только внутриспоколенческой (между группами молодежи), но и межпоколенческой (между родителями и детьми). И можно поспорить, где эти морально-нравственные издержки эпохи Миллениума оказались наиболее весомыми с точки зрения деморализации целого поколения: для тех, кто гордился своими преуспевающими родителями и при этом проходил испытание сытостью, или для тех, кто бедствовал, искренне сочувствуя и переживая (в лучшем случае) за своих родителей-неудачников?

¹Термин, введенный в научный оборот основателем этологии лауреатом Нобелевской премии Конрадом Лоренцем, тождествен синониму «запечатление». Понимается как психологический механизм, посредством которого образ или пережитое впечатление прочно запечатлевается в сознании, обуславливая устойчивую программу поведения.

²Ричард Докинз – биолог, основоположник концепции «мима», развернутой в опубликованной в 1976 г. книге «Эгоистичный ген». Автор предложил идею, согласно которой вся культурная информация, равно как и биологическая, состоит из базовых единиц: мимов (мимифонд) в культуре и генов (генофонд) в биологии. Как одни, так и другие базовые единицы подвержены общим закономерностям естественного отбора, мутации, искусственной селекции.

К сожалению, оказалась не на уровне своих прямых обязанностей и церковь, куда хлынул массовый поток растерявшихся в «новом» мире людей вместе со своим потомством. Охватившая массовое сознание парализация от воцарившегося в обществе хаоса стимулировала обращение к религиозным институтам как последней надежде, способной защитить от этой распространяющейся повсеместной вакханалии безнравственности и разрушения традиционных семейных канонов. Однако увлеченная открывшимися и соблазнительными для себя стимулами коммерциализации, а также завоевания достойной позиции рядом со светской властью, церковь тоже уклонилась от первостепенной для себя задачи поддержания и укрепления православных семейных традиций, отодвинув их на периферийный план. Во всяком случае не выступила с более или менее выраженными программными заявлениями в адрес распространяющихся повсеместно гражданских и однополых браков, сексуальной свободы, отрицания молодежью семейной функции деторождения и воспитания подрастающего поколения как своей первостепенной задачи.

Осталась в стороне от решения проблемы и образовательная система (включая школы и учреждения высшего образования), вошедшая в режим тотальной обреченности. Озабоченные перманентными потугами реформирования и оптимизации с выраженным акцентом на **дегуманитаризацию и коммерциализацию** образовательные институты сделали упор на сверхзадачу с броской и вполне инновационной формулировкой **«рационализации компетентности»!**

И надо признать, что получилось! Эта актуализированная общими усилиями компетентность поколения Z предпочла (что вполне закономерно) ценности техногенного типа цивилизационного развития. А с учетом нашего отечественного опыта «догоняющей модернизации», логично скаль-

кировала ценности западного мира с его **рациональностью и личностной автономией**, возведя их в непререкаемый идеализированный абсолют, противопоставленный традиционной культуре. Институт семьи в этом лабиринте терзаний «рационализированной компетентности» поколения Z оказался нерациональным и уж тем более не благоприятствующим суверенной автономии личности!

Когда сталкиваешься с этими эмпирическими релевантами своеобразия дня сегодняшнего (что для социолога скорее закономерно, нежели случайно), то остается лишь удивляться той таинственной силе, которая оказалась способной в столь драматических обстоятельствах отечественных трансформаций удержать генерацию Z в рамках традиционной модели базовых ценностей. Но даже если предположить правомерность подобных выводов, тем более необходимо понять и объяснить природу данного феномена, достаточно интригующего с точки зрения своей парадоксальности, чтобы не привлечь к себе внимания социолога и не дать ему оценку с позиции его профессионального габитуса.

Таким образом, на данном этапе нашего исследовательского поиска мы уходим от ответа на вопрос «Сколько?» (традиционная прерогатива количественного исследования), а концентрируемся на вопросах «Как?» и «Почему?», пытаюсь разобратся в глубинных **ментальных** преобразованиях, происходящих на наших глазах с поколением Z (на примере современного студенчества). И здесь на передний план выходят проблемы инструментальной эффективности задействованных методик замера, позволяющих уловить глубинные эмоционально-когнитивные резонансы трактовок традиционного ценностного набора между прошлым и настоящим, фиксируемые на уровне выраженного в ментальности, эффекта смысловых **запечатлений**.

Здесь уместно привести авторское пояснение. Как уже отмечалось ранее, сегодня в любом учебнике по социологии прописаны все основные алгоритмы нивелировки реактивности инструментария, начиная с формулировок вопросов и определенной последовательности перечня ценностей (в случае, например, со шкалой-меню) вплоть до филигранных тонкостей триангуляции, позволяющей сочетать количественные и качественные подходы даже в рамках одного метода (внутриметодная триангуляция). Гораздо реже обращают внимание на подбор самого ценностного ряда, который, как правило, продиктован стереотипами сознания самих исследователей. Тем более если они воспитаны и находятся в культурной парадигме традиционных базовых ценностей. Поставленный перед необходимостью конкретного ответа (выбора, ранжирования по приоритетам и т. п.) респондент в облике студента осуществит стоящую перед ним задачу достаточно легко, хорошо понимая, чего от него ожидают. Следовательно, в большинстве своем мы имеем дело с эффектом вербального характера, посредством которого транслируется **понимание**, т. е. когнитивная составляющая. Параллельно – очевидная **нечувствительность** социологических методов (преимущественно опроса) к замеру смыслов продиктована обстоятельствами давящего эффекта когнитивного плана, проецируемого авторами исследования на испытуемого (респондента) и заведомо инспирирующего его на действие (выбор) рационального характера. Тогда как современная жизненная ситуация в ее «турбулентном воплощении» все чаще идет в отрыве от формулируемых традиционных постулатов и заменяется **иррациональным** выбором. Таким образом, необходимость нейтрализации влияния самого исследователя на ход подготовки (программирования) исследовательского процесса и его последующей реализации представляется принципиальной. Речь идет, безусловно, не о физическом устранении исследователя, а его «закадровом позиционировании». Не претендуя на логическую

завершенность своей методико-процедурной альтернативы, отметим главное. Экспериментальные попытки решить ее с максимальной нивелировкой исследовательского влияния на процедуру замера оказались сравнительно успешными. Так, например, предложенный студенческой аудитории открытый вопрос «Кто ты?» был сформулирован в формате открытого вопроса, цель которого была продиктована необходимостью знакомства преподавателя со студенческой группой. Опрос проводился в самом начале учебного года, когда первая встреча преподавателя со студентами логически оправдывала процедуру знакомства и не вызывала никаких дополнительных вопросов. Организованный таким образом опрос исключал формализованный перечень ценностей и шкал, а параллельно – фиксированную установку относительно тематической направленности, а также формулировки целей и задач опроса. Респондентам предоставлялась возможность свободной саморефлексии (когнитивного и эмоционального планов) и произвольной формулировки **ассоциаций**, спонтанно возникающих в его голове при необходимости репрезентации своего повседневного статуса. Одновременно предполагалось, что студенты репрезентируют себя через сущностные социальные роли, принцип **смысловой коннотации** которых выведет нас на актуальный для поколения Z ценностный набор.

Второй этап исследования исчерпывался тестированием 150 студентов. Разработке теста предшествовала процедура операционализации смыслов, которые прочитывались в результатах первого этапа. Процедурный аспект подбора суждений в тест включал в себя ряд принципиальных методико-процедурных моментов.

Во-первых, суждения подбирались с предварительной **редукцией** их формулировок до уровня повседневной студенческой лексики. Проблема решалась на основе включенного наблюдения за студенческой аудиторией (исполнители темы – преподаватели, непосредственно контактирующие с объектом исследовательского интереса) и фиксации наиболее популярных в студенческой среде формулировок. Вместе с тем ряд включенных в тест суждений были заимствованы из телевизионной рекламы, что позволило впоследствии оценить их **импринтинговый эффект** в студенческой среде. Во-вторых, суждения подбирались с точки зрения их позитивной (соответствующей традиционной нормативной модели) или, напротив, негативной (идущей на раскол традиций направленности). Суждения скомпонованы в тесте по принципу своей хаотичности, исключающей группировки в соответствующие смысловые блоки, как это принято в обычной социологической анкете. Никаких обязательных преамбул, объясняющих цели, задачи исследования, процедура тестирования не предполагала. Студентам просто предлагался набор суждений с просьбой выразить свое личное отношение к ним. В итоге респонденты погружались в **пространство артикулируемых смыслов**, с которыми они должны были согласиться или не согласиться.

Все вышеперечисленные процедурные аспекты методики, ориентированные на оценку суждений в отрыве от их инструментально-операционального значения (оставались за кадром для респондентов), имели смысл лишь в одном – понизить **реактивность** социологического инструментария и стимулировать респондента к **аутентичности** поведенческой реакции.

С учетом закономерностей нелинейного развития социальных систем такая формулировка задач исследования кажется нам не только логичной, но и целесообразной. Тем более что обоснованная авторитетными методологами наша реальность «фазового перехода в терминах динамического хаоса и самоорганизации» не исключает вариативности «спектра возможных сценариев развития системы» [5, с. 9]. И какой из них возьмет верх, определив «русло изменений системы», предугадать сегодня сложно, но важно. Очевидно, что поколению Z принадлежит в этом вопросе отнюдь не последняя роль. А с учетом специфики периода их социализации, когда в режиме динамического хаоса, воцарившегося в обществе, ранее сложившиеся программы саморегуляции мутируют и ранее возникшие параметры порядка перестают работать, смеем предположить, что решающая роль! Тем более что обозначенный объект нашего исследовательского интереса (студенчество поколения Z) уже в ближайшее время пополнит ряды отечественной интеллектуальной элиты, не исключая и элиту политическую.

Таким образом, концепту «смысл» придается активное созидательное начало в жизнетворчестве. Не случайно Дж. Александер, отмечая важность

использования смысла в контексте исследований социальной реальности, и в частности культуры, видит в этом «новый радикальный методологический поворот» социологического познания мира, связанный с необходимостью переключения внимания к смыслам не с точки зрения их зависимости от социальных обстоятельств, а с позиции их роли как активной созидательной силы, формирующей эти обстоятельства [6, с. 92–93]. Это противоречие между формально означаемым и личностно означаемым, хорошо известное философии и психологии, в социологии уходит в сферу феноменологии и анализа повседневности через рефлексию быденных практик, где означаемое (смысл) выводится из сознания субъекта, ему же приписывается конструирование самой социальной реальности [7]. По этой же причине, включая категорию «смысл» в свою парадигму социологии жизни, Ж. Т. Тощенко видит ее инструментальную и концептуальную ценность в «обозначении некой итоговой, ключевой сущности происходящих изменений социальной реальности, глубинном содержании бытия, что предполагает выявление главного, определяющего в жизни человека на основе интерпретации полученных в процессе социологического исследования данных» [8, с. 153].

Прочитывая в самом первичном и общем плане результаты тестирования, надо признать, что современная студенческая аудитория не вуалирует своей основной ставки на **самоутверждение суверенной автономии личности** в самой **эгоистичной** ее форме крайнего индивидуализма, ориентированного на достижение **личностного жизненного успеха**. При этом важно заметить, что 70 % протестированной группы студентов (всего 150 человек) считают для себя принципиальным **признание** этого успеха со стороны окружающих. Основное русло формирующихся на наших глазах «ментальных трасс» студенчества направлено на **утверждение личности**, понимаемое как «**способность оставаться собой!**». Именно этот смысловой импринт получил единодушную поддержку со стороны практически всего массива протестированной нами студенческой аудитории – 92 %. Отсюда понятно, почему принятая поколением Z модель автономии и свободы личности не допускает никаких примеров для подражания и исключает из своей программы саморазвития давящую роль каких-либо авторитетов. Данный факт мы зафиксировали еще на начальном, ассоциативном этапе своего проекта, когда предложение указать идеал для примера обернулось для исследователей полным фиаско: «**Идеалов нет и быть не может!**» Это категорическое кредо жизненной позиции автономной личности эпохи цифровых технологий как нельзя лучше объясняет логику своей аргументации. Ведь любой, даже самый незначительный, пример для ориентира (о подражании мы уже и говорить боимся) предполагает последующую коррекцию собственного «Я», что ставит под сомнение аутентичность (подлинность) личностной определенности и уводит за пределы собственной автономии личности. Окружающий их взрослый мир с постоянно меняющимися градусами общественных настроений (то оптимистически радужных в ожидании демократического рая с иллюзорной, но манящей свободой и независимостью, то пессимистически подавленных с перманентным пересмотром страниц истории и переименованием городов и улиц) ничего иного, кроме запечатленного памятью **нигилизма**, увы, не предложил. Поэтому ожидание от поколения Z каких-либо идеалов-ретрансляторов хотя бы героического прошлого нашей истории, на примере которых хотелось бы «строить жизнь», было заведомо обречено на провал. Ибо и героическое прошлое, к сожалению, было подвергнуто тем же миром взрослых безжалостному чистилищу, став мощным импульсом для прогрессирующих сомнений, запечатленных в ментальности поколения цифровых технологий откровенным **цинизмом**. Тем более что задачу повышения компетенций социализирующейся на наших глазах генерации

эпохи Миллениума мы решали не в одиночку (возможно, был бы иной эффект, менее удручающий), а, скажем прямо, всем глобализирующимся на наших глазах миром. Очень оперативно разъяснили детям их права и обязанности, поведали об ужасах насилия со стороны, в том числе родителей, и подсказали инстанции, к кому обращаться при необходимости. Во всяком случае, когда десятилетний ребенок, не отрываясь от экрана смартфона, переходит улицу и на попытки матери забрать телефон и положить его в рюкзак отвечает поставленным голосом: «**Ты нарушаешь права ребенка, я подам на тебя в суд!**» – окружающим понятно, что с компетенциями у этого подростка все в порядке. Но от этого становится еще грустнее... Грустнее от того, что импринтинговый эффект отмечен в психологии своей **необратимостью**. И достаточно одного лишь раза, чтобы «ментальные трассы» приобрели **устойчивый и безвозвратный** характер, предопределив соответствующее сценарное развитие для целого поколения.

В программе **жизненного успеха** студенческой молодежи интересующего нас сегмента принципиальными остаются два аспекта – понимание **цели и средств** (инструментальный компонент) ее достижения. И вот здесь появляются основания для более глубоких критических рефлексий с точки зрения формирующихся на наших глазах и при нашем непосредственном участии «ментальных трасс» поколения Z. В частности, результаты тестирования обнажили доминантную позицию в студенческой среде попыток интерпретации жизненного успеха как «**достижение высот профессионального мастерства**» – 83 % эффекта смысловой интериоризации. В своей логической сопряженности с личностью и запечатленным в ее сознании социогеном независимости и автономности две эти смысловые ориентации достойны аналогии с лучшими образцами высших духовных интенций, базирующихся на пике пирамидальной проекции Маслоу. Самореализация личности посредством и в рамках дела, которому служишь профессионально, – это не просто высший образец духовно-нравственного совершенства личности. Это то, о чем мечтало не одно поколение, понимая эфемерность и недостижимость идеала. Неужели социогеном «**рационализированной компетентности**» дал такой впечатляющий своей перспективой результат? Как хотелось бы в это поверить, если бы не опыт включенного наблюдения, который (вольно или невольно) реализует в своей педагогической практике любой преподаватель. И сегодня практически каждый из них подтвердит факт резкого роста численности **демотивированных** студентов в наших аудиториях. Как это отражается в смысловой повседневности? Просто и, главное,

вполне созвучно истинному положению вещей. «Я здесь ради диплома, а не ради знания» – 30 % согласившихся, «Меня не волнует, буду ли я работать по профессии» – 48 %³, «Студенческие годы хороши своей безмятежностью» – 62 %. И еще: «Для меня главное сегодня – это учеба» – 45 % отрицающих данный смысловой импринтинг. С последним вариантом вполне созвучно и другое: «Личный успех я связываю с достижением карьерного роста» – 50 % смысловой интериоризации. Если сравнить данный факт с выраженной выше установкой на успех как самореализацию в рамках «профессионального мастерства» – 83 %, то становится очевидным, что коррекция личностного проекта успеха с «профессии» на «карьеру» автоматически более чем на 30 % снижает важность первой. Так или иначе, но с фактом прогрессирующей динамики сознательной демотивированности современной студенческой аудитории преподаватели столкнулись давно. Но бить тревогу не решаются в силу понимания бесперспективности процесса, связанного с очередной ломкой утверждающей себя системы образования, с ее болонской составляющей, целенаправленной дегуманитаризацией и очередным витком прагматизации компетенций рационализированных «ментальных трасс». Заметим параллельно, что инструментальный набор программы жизненного успеха современной студенческой аудитории транслируется ею же через такие смысловые верификации, как «наличие полезных связей» (64 %), затем «деньги» (59 %), «карьера» (50 %) и «власть» (26 %). Так что наша озабоченность и интерес к студенческой аудитории поколения Z как реальному резерву пополнения отечественной политической элиты вполне оправдан. Именно данный смысл – **стремление к власти** – включил в свою актуальную духовную матрицу каждый четвертый, объективировав тем самым одно из ведущих ментальных запечатлений, способных сыграть решающую роль в альтернативных сценариях нашего развития. В этой связи самое время поговорить о патриотизме, проблемность которого для нашего постсоветского поколения студенчества мы затронули в самом начале своей статьи, рассуждая о генетической исторической памяти современной молодежи.

Еще в итогах первичных для реализации настоящего проекта смысловых ассоциаций заметным

оказался факт крайне слабой выраженности в студенческой среде феномена **национальной идентификации** личности в обозначении своей статусной позиции. Лишь около 10 % задействованных в исследовании студентов, отвечая на вопрос «Кто ты?», вспомнили о своей этнической принадлежности: «Я – белорус». Акцентированное внимание исследователей на таком неоднозначном исходе событий было связано с их информированностью в том, что так бывает далеко не всегда. Например, польские студенты в аналогичном эксперименте дают практически 100 % эффект, начиная свою репрезентацию с этнической «Я – поляк» или религиозной «Я – католик» самоидентификации. Однако результаты тестового этапа, который включал смысловую позицию «Я белорус и горжусь этим» – 60 % «за», 40 % «против» – выглядят более оптимистично. Ведь дифференциация может получить логическое обоснование в том, что эти 40 % могли оказаться представителями других национальностей, а это вполне естественно для студенческой аудитории (русские, таджики, армяне, туркмены и др.). Вместе с тем два других смысловых импринта (один из которых представлен в рекламной заставке национального телевидения) можно рассматривать с точки зрения существенного дополнения к анализу сложившейся ситуации: «**Беларусь – страна для жизни**» – 70 % неприятия смысловой верификации и «**Я бы уехал из страны, если бы предоставилась возможность**» – 86 % поддержки⁴.

Таким образом, с одной стороны, мы можем констатировать очевидность противоречия между этносолидаризацией подавляющей части студенческой аудитории и ее гражданской солидаризацией в своей выраженной направленности покинуть рубежи Родины. При этом заметим, что корреляция этих смыслов носит обратно пропорциональный характер. Другими словами, исследовательская гипотеза может быть сформулирована следующим образом: чем выше национальное самосознание, тем слабее патриотизм. Несмотря на парадоксальность и необходимость своей тщательной проверки, отметим тем не менее вероятность логической правомерности такой постановки вопроса. Генерация Z адаптировалась к привычным для общества переоценкам реальности и может принимать развивающуюся на ее глазах риторику о националь-

³Очевидно, что если предыдущее суждение можно «оправдать» неблагоприятием в конкретной локальной вузовской ситуации, не дотягивающей, например, до высоких качественных стандартов обучения, то второе связывает эту позицию напрямую с более широким социальным контекстом, обусловленным отсутствующими в обществе гарантиями трудоустройства по профессии и тем самым обеспечивает позицию личности соответствующей индугенцией, т. е. снимает с нее ответственность за происходящее. Отсюда и возросшее на 18 % количество критически рефлексирющих при оценке ситуации.

⁴С учетом того факта, что геополитическая специфика Беларуси как Пограничья стратегически все более выразительно тяготеет к обоим полюсам – Западу и Востоку, а в отдельных теоретических обоснованиях ее перспективу все настойчивее связывают с присоединением к Западу при сохранении независимости в самостоятельном принятии решений, обозначенные ориентации данного молодежного сегмента имеют осязаемую подпитку. При этом варианты силового решения проблемы не исключаются [9, с. 213].

ном интересе белорусов (самобытности культуры, языке, ментальности) не иначе как очередной виток пропагандистского давления (на уровне лингвистической номинации, инструментальная ценность которой для манипуляции общественным сознанием достаточно хорошо известна) со стороны политических элит, причем в равной мере – как со стороны властвующей элиты, так и национальной контрэлиты. Рационализирующиеся компетенции новой генерации студенчества могут воспринимать эти периодически актуализирующиеся национальные вопросы не иначе как очередную волну «отката» (повторяющуюся и изрядно надоевшую к тому же), ставящего заслон для реализации собственных жизненных программ и стратегий автономной личности. Тем более что идея **студенческой мобильности** с ее приоритетами в выборе вуза, города, страны и даже преподавателя для получения **качественного** образования в целях удовлетворения запросов работодателя становится реальностью, вполне привлекательной для студенческой аудитории.

В связи со сказанным, с другой стороны, выраженные устремления современного студента

окунуться в глобальный мир, еще не познанный, но открывающий в воображении богатство возможностей, вполне гомогенны именно автономному социальному агенту с его прагматической составляющей жизненного успеха и претензией на личностную самореализацию. Другое дело, что усвоенный социогеном как смысловое энергетическое ядро, формирующее духовно-нравственные матрицы и практики поведения, обладает способностью к выживанию посредством своего имитационного воспроизводства или, другими словами, копирования. В связи с этим мы должны иметь прочные гарантии привлекательности условий в Отечестве для утверждающей себя новой генерации Z с ее понятными социальными притязаниями и личностными амбициями. Решить эту задачу стратегически грамотно – вопрос непростой. И начинать нужно с переосмысления и адекватной оценки «типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации» [6, с. 9], в которой ведущую роль будет играть **автономная, прагматически ориентированная, креативно** самореализующаяся личность с набором соответствующих и хорошо усвоенных **компетенций**.

Библиографические ссылки

1. Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему / пер. с англ. У. Саламатова. М. : Альпина Бизнес Букс Серия : Сколково, 2008.
2. Шавель С. А. Ментальность, кодирование и раскрытие кода: социологический подход // Социология. 2016. № 3. С. 39–51.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М. : Ин-т социологии РАН, 2010.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : АСТ : Corpus, 2013.
5. Степин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 6–13.
6. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М. : Праксис, 2013.
7. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. : Ин-т фонда «Обществ. мнение», 2003.
8. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М. : Юнити-Дана, 2016.
9. Мурадян Е. С., Сальникова С. А., Титаренко Л. Г., Широканова А. А. Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье : коллектив. моногр. Вильнюс : ЕГУ, 2014.

References

1. Rapaille C. Kul'turnyi kod: kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu [The culture code: an ingenious way to understand why people around the world live and buy as they do]. Moscow : Alpina biznes books : Skolkovo, 2008 (in Russ.).
2. Shavel S. A. Mentality, encoding and disclosure of code: sociological approach. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2016. No. 3. P. 39–51 (in Russ.).
3. Gorshkov M. K., Sheregy F. E. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret [Young people of Russia: sociological portrait]. 2nd ed. Moscow : Inst. of sociol., 2010 (in Russ.).
4. Dawkins R. Egoistichnyi gen [The selfish gene]. Moscow : AST : Corpus, 2013 (in Russ.).
5. Stepin V. S. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 6–13 (in Russ.).
6. Aleksander Dzh. Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya. Moscow : Praksis, 2013 (in Russ.).
7. Shyutts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. Moscow : Institut fonda «Obshchestv. mnenie», 2003 (in Russ.).
8. Toshenko J. Sociologiya zhizni. Moscow : Yuniti-Dana, 2016.
9. Muradyan E. C. Dinamika tsennostno-normativnoi sistemy i zhiznennyye shansy: opyt postsovetsoi transformatsii v Pogranich'e [Dynamics of the valued normative system and vital chances : experience of post-Soviet transformation in Pogranichie]. Vilnius: EGU, 2014.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2017.
Received by editorial board 17.12.2017.